

Юрий Иванович Полянский в семье

Г.Г. Полянская

Институт цитологии РАН, Санкт-Петербург, Россия; poljansk@incras.ru

Воспоминания автора статьи, д-р биол. наук Галины Георгиевны Полянской, дочери проф. Полянского, посвящены частной жизни этого известного отечественного биолога, лидера отечественной протозоологии второй половины XX в., профессора Ленинградского государственного университета, члена-корреспондента АН СССР. В них включены также краткие заметки о герое статьи его внуков и зятя. Такого рода воспоминания о частной жизни проф. Полянского публикуются впервые в литературе, и в этом отношении они существенно дополняют его собственную книгу воспоминаний «Годы прожитые». В статье впервые упомянуты обстоятельства смерти учёного на 90-м году жизни.

Ключевые слова: Ю.И. Полянский, Л.С. Полянская, семья, дочь Г.Г. Полянская, зять Ю.С. Забутов, внушки Маша, Аня, внук Серёжа.

Когда мне предложили написать статью-воспоминание о моем отце, крупном учёном-биологе, известном во многих странах мира, я задумалась. Задача мне показалась достаточно сложной, так как им самим была написана замечательная книга «Годы прожитые», в которой он подробно описывает время, этапы своей жизни, близких ему людей, а также этапы развития страны и состояние биологической науки. Но, внимательно просмотрев его книгу, я решила написать о том, что не описано им подробно. Именно, о нашей семье, то есть о периоде его семейной жизни, когда уже родилась я. Таким образом, эта статья будет состоять из отдельных семейных зарисовок, воспоминаний из моего детства, юности и взрослой жизни, а также из воспоминаний моих детей и мужа.

Итак, мое первое воспоминание о папе. Мне 4 года, зовут меня Галя. Лето 1948 г., Сочи. Я живу на даче с бабушкой, много хулиганю, меня наказывают и иногда сажают в сарай. И вдруг все меняется: появляются мои родители: сначала приезжает мама из Ленинграда, а потом папа из Франции, после участия в Международном зоологическом конгрессе. Помню, что папа часто поднимал меня на руки, играл со мной, все вместе ходили к морю, много гуляли. Общее ощущение от этого лета — чувство радости и веселья. Когда мы вернулись в Ленинград, все изменилось. Мама с папой стали заниматься мною мало. Они постоянно были заняты, много общались между собой. Потом папа вообще уехал на Север за Полярный круг — на Мурманскую биологическую станцию. Мама часто ездила к нему. Всё это время меня воспитывала бабушка, к которой я была очень привязана. За длительный период, несколько лет, у меня совсем отсутствуют воспоминания о семье, о родителях. Какое-то время, уже перед окончательным возвращением в Ленинград, папа руководил организованным им Институтом биологии в Петрозаводске и по совместительству работал на кафедре зоологии беспозвоночных

Ленинградского госуниверситета (ЛГУ), в должности профессора. Помню, как мы с мамой еженедельно провожали его на поезд в Петрозаводск. Пожалуй, полное ощущение семьи, после лета 1948 г., снова возникло, когда папа окончательно вернулся домой после работы на Крайнем Севере и в Петрозаводске. Самые тяжёлые времена «лысенковщины» миновали. Но их отголоски ещё будут долгие годы. Об этом папа подробно написал в своей книге.

Тем не менее, ещё до окончательного возвращения папы в Ленинград, очень ярким детским воспоминанием был праздник по поводу папиного 50-летия в 1954 г. Праздник происходил у нас дома, в квартире на территории Педагогического института им. А.И. Герцена. Собралось очень много народу: друзья-биологи, родственники и ещё близкий папин фронтовой друг, которого я очень любила в детстве, доктор А.Н. Малышев, или просто дядя Саша. После войны он стал практически нашим семейным врачом, а однажды спас папу от смерти (об этом чуть позже). Мне было уже почти 10 лет. В тот вечер я была абсолютно счастлива. Все взрослые со мной общались, шутили. В общем, вечер был замечательный и остался навсегда в моей памяти. Потом было много подобных застолий и веселья. Папа очень любил гостей. Всегда готовил свой фирменный салат с крабами по собственному рецепту, вкусные напитки. Часто бывали танцы, в которых папа активно участвовал.

В обыденной жизни папа был не очень разговорчив. Приходил с работы, обедал, обязательно читал газету. Затем немного отдыхал и садился за письменный стол до позднего вечера. Я любила к нему забегать, он не сердился, что я отвлекаю его от работы, а сажал меня к себе на колени, что-то ласковое мне говорил, а я пыталась что-нибудь интересное взять со стола, рассмотреть, он объяснял, что это такое. Иногда мы просто сидели на диване и общались (фото 1, 2). Через некоторое время он отправлял меня заниматься своими делами, а сам продолжал работать. Но когда я собиралась спать, то обязательно или я забегала к нему, или он заходил ко мне в комнату поцеловать перед сном. Так я и росла в ласке и любви со стороны всей семьи, и папы, и мамы, и бабушки.

Лето я проводила всегда с бабушкой, а родители навещали нас на разных дачах. Когда я подросла, а бабушки уже не было, они стали брать меня с собой в отпуск. Вспоминаются несколько лет, которые я провела с ними в санатории им. Горького АН СССР в Кисловодске. Папа очень любил длительные прогулки по горам. Всегда брал меня с собой. Во время этих прогулок он приобщал меня к природе, много рассказывал про растения, которые мы встречали, разговаривали и на разные темы, интересующие меня. Эти прогулки с папой я запомнила навсегда. Иногда мы отдыхали в Юрмале, там тоже были интересные путешествия. Когда я была в старших классах, папа начал ездить в командировки во Францию. Особенно длительной была его командировка в 1960/1961 г., когда он читал курс лекций по протозоологии в Сорбонне, а потом некоторое время работал на биологической станции в Роскове. Мы с мамой жили одни и очень скучали без него. Тогда ведь не было Интернета, и увидеться через него в любое время было невозможно. За это время мы очень сблизились с мамой. Она, по сути, стала моей близкой подругой. И эта дружба продолжалась всю жизнь, до тех пор, пока она не перестала меня узнавать (об этом немного позже).

Время летит, я выросла, и встал вопрос, где мне продолжить свое образование. Надо сказать, что папа меня никогда серьёзно не агитировал за биологию. Помню только в последнее лето перед окончанием школы его рассказы о хромосомах и ДНК. Надо к этому прибавить, что в семье часто велись разговоры на биологические темы

Рис. 1. Я на прогулке с родителями. Ленинград, 1946 (из коллекции Г.Г. Полянской)
Fig. 1. I'm on a walk with my parents. Leningrad, 1946 (from the G. Polyanskaya collection)

Рис. 2. Я с папой дома на диване в его кабинете. Ленинград, 1953 (из коллекции Г.Г. Полянской)
Fig. 2. Dad and I are at home on the sofa in his office. Leningrad, 1953 (from the G. Polyanskaya collection)

с друзьями или знакомыми, которые бывали у нас дома. Я бы сказала, что аура в семье была биологическая. Поэтому, когда пришло время, я, естественно, решила попробовать поступать на биофак ЛГУ. Надо отметить, что папа очень болезненно относился к теме «блата». Поэтому после сдачи первых двух приёмных экзаменов они с мамой уехали в отпуск, чтобы не находиться в городе в момент зачисления. В результате я набрала проходной балл на Отделение общей биологии, получив только одну четвёрку по сочинению.

Учиться мне нравилось. В конце первого курса встал вопрос о выборе кафедры, на которую пойти, чтобы помимо общих предметов, начать уже более углублённое изучение конкретной биологической дисциплины. На первом курсе меня очень привлекали лекции по зоологии беспозвоночных, которые читал папа. Он был прекрасным лектором. Нравилась мне также и практические занятия, которые в большой степени были связаны с микроскопом. Я хотела пойти на папину кафедру. Но он меня остановил, сказав, что на факультете есть много интересных научных направлений. На его кафедру мне идти не надо — ему будет сложно меня продвигать, даже если я буду этого заслуживать, так как я его дочь. А он, как я писала выше, был очень чувствителен к слову «блат». Он сказал, что посоветовал бы мне идти на кафедру, которой заведует «порядочный», честный человек. И видя мой интерес к работе с микроскопом, посоветовал пойти на кафедру генетики, которой заведовал М.Е. Лобашёв и в дальнейшем заняться цитогенетикой. Я полностью последовала его совету. И все профессионально получилось вполне успешно. С тех пор папа серьёзно больше не участвовал в моей научной деятельности, за исключением обычных профессиональных разговоров, которые, конечно, продолжались всю жизнь.

Между тем, время текло, и семья наша увеличивалась. Я рано вышла замуж. С будущим мужем, Владимиром Андреевичем Самокишем, мы дружили со школьных лет. После свадьбы в 1963 г. мы жили все вместе. Когда Володя пришёл делать предложение моим родителям, папа сказал, что он всегда хотел сына, и вот теперь у него будет сын. Папа и мама действительно относились к нему со вниманием и теплотой. Родителей у Володи к тому моменту уже не было: отец погиб на фронте, а мать умерла, когда ему было 17 лет. Было, правда, два старших брата, с которыми Володя был близок. В 1966 г. у нас родилась дочка Маша. Надо сказать, что и до рождения дочки и после него мы жили очень дружно. Тогда зародились наши «субботы», которые продолжались всю жизнь до папиного ухода. В субботу у нас был общий ужин, сопровождающийся разнообразными разговорами, иногда спорами, о наших семейных делах, порой о событиях в стране и в науке. Стол организовывал папа. Основным блюдом была селедочка под придуманным им самим соусом. Также он готовил свой специальный салат. Все необходимые ингредиенты папа покупал заранее. Кроме того, готовил разные безалкогольные напитки, и, конечно, на столе всегда была водочка. Как правило, это были семейные «субботы».

Хочу вспомнить один случай, который чуть не кончился трагически. В 1967 г. папа поехал к своему другу М.Е. Лобашёву на дачу. Дело было зимой, и они, естественно, решили покататься на лыжах. Папа на лыжах последний раз стоял, по-видимому, во время войны, поэтому в процессе катания он упал, и удар лыжной палки пришёлся в сердце. Вернувшись домой, он ничего не сказал маме, а буквально через день ему ночью стало плохо. Вызвали неотложку, а мама позвонила дяде Саше, который приехал, но немного позже неотложки. Врач неотложки поставил диагноз отравление и велел папе глотать зонд. Но, к счастью, у папы это не получилось, врач дал какие-то указания

и уехал. И тут появился дядя Саша, который сразу поставил диагноз — инфаркт после травмы. И сказал, что если бы он проглотил зонд, то умер бы. В результате папа попал в больницу, где отлежал довольно долго, но выкарабкался. Тогда в больнице АН СССР была чудесный врач-кардиолог. Она дала папе список лекарств, которые надо принимать пожизненно. «Тогда Вы проживете не менее 25 лет», — сказала она. Кажется, её звали Лотман Виктория Михайловна. С тех пор мама всегда ездила вместе с папой в любые гости и командировки.

В 1971 г. нас выселили с территории Института им. А.И. Герцена и предоставили две 2-комнатные квартиры в одном доме на Васильевском острове. Разбехавшись в разные квартиры, мы продолжали тесно общаться. Родители буквально поставили условие, чтобы в субботу мы приводили к ним Машу. Забирали её днем в воскресенье. Мы тоже приходили вечером к родителям, и «субботы» продолжались. В то время у нас дома часто собирались компании друзей. Иногда заходили родители. Папа обожал общаться с молодежью. А наши друзья с удовольствием общались с ним. В такие вечера всё перемешивалось — и серьёзные разговоры, и веселье с танцами и анекдотами.

Предоставляю слово теперь моей дочке Маше.

Своего деда я помню с самого раннего детства — до 5 лет мы все вместе жили в квартире на территории педагогического института. Я была счастливым ребенком — любимой дочкой и любимой внучкой. Я всегда вспоминаю своё детство с любовью и горечью, потому что нет уже рядом любимых бабушки и дедушки, папы... но у жизни свои законы, и поэтому я просто хочу вспомнить о том добром, хорошем и очень важном времени моей жизни.

Итак: первое — дедушкины сказки. Мне кажется, что это было часто — в темноте комнаты перед сном дедушка рассказывал истории о жизни животных — уже с самого раннего детства я знала, кто такая инфузория-туфелька, как она ест и как плавает, кто такие амёбы и чем они отличаются от инфузорий. Ещё я очень много знала о межвидовой и внутривидовой борьбе — красочный рассказ про антилопу, пьющую воду в прямой видимости у льва, я запомнила на всю жизнь.

Истории были очень интересными, запоминающимися, дед рассказывал их увлеченно, и мне очень хотелось узнавать про всех этих животных ещё и ещё. Как-то в детском садике воспитательница усадила детей в кружок и сказала, что сейчас я расскажу истории, которые мне рассказывал мой дедушка-биолог. И вот так, внезапно, без всякой подготовки, я смогла рассказать и про антилопу, и про морскую черепаху, которая закапывает яйца в песок, и про кого-то ещё — а ведь никто меня не заставлял заучивать, не готовил к выступлению... Значит, так просто и доходчиво мне рассказывал дед такие непростые вещи. Таким образом, ненавязчиво мне прививалась любовь к природе, бережное отношение к ней — и это я пронесла через всю жизнь.

Ещё одно детское воспоминание — «дед работает»: стрекочет пишущая машинка (дед печатал очень быстро), или он ходит по кабинету, потирая руки и что-то напевая, или читает какие-то толстые папки рукописных листов. Помню множество стопок бумаг с пометками деда на полях или листов, написанных его рукой. Интересно, что почерк деда я знала с детства и так же с детства была уверена, что именно так и течёт жизнь взрослых людей — пришёл с работы, пообедал и — за работу. В нашей семье так жили все — дед, родители, бабушка, которая готовилась к занятиям.

Кстати, с детства я усвоила, что за семейным праздничным столом обсуждаются какие-то научные вопросы — это было не только интересно, но и важно для становления личности — пусть и маленькой.

Удивительно, что постоянно работающий дед всегда находил время для меня. Я забиралась к нему на колени — передо мной возникал казавшийся тогда огромным письменный стол, и дед рисовал картинки: наш маленький зелёный Запорожец, дом, речка, черный песик Забияка...

Сейчас, когда я стала не просто взрослой, а очень взрослой бабушкой, я понимаю, сколько любви дарил мне дед, но и тогда я его очень любила и скучала, когда его не было дома.

Когда мне было 5 лет, мы переехали и жили уже отдельно, но у нас были квартиры в одном доме. Почти каждые выходные я ночевала у дедушки с бабушкой. И каждый субботний вечер дед находил время для «сказки». А засыпала я под звук печатающей машинки — спала я в кабинете — гостиной небольшой двухкомнатной квартиры.

Чем заниматься в гостях у дедушки с бабушкой: я рисовала, и дед все мои рисунки подписывал. Как же я была удивлена и тронута до слез, когда несколько лет назад нашлась папка с моими рисунками — каждый был аккуратно подписан быстрым знакомым почерком.

А ещё с 5 лет дед начал учить меня читать, выписал журнал «Юный натуралист». Уже к 6 годам я начала бегло читать.

Заграничные командировки деда казались мне чем-то естественным — о конгрессах, конференциях в стране и за границей говорили часто. Конечно, дед всегда старался что-то привезти в подарки всем — у меня периодически появлялись то какие-то костюмчики, то сапожки, то свитера. Несмотря на трудное советское время тотального дефицита, никто в семье не делал из этих вещей чего-то особенного. Мне не говорили — «это сапожки французские, береги их», ребенок надел сапожки, и он не должен заботиться о том, что они французские или немецкие — есть правила поведения на улице, которые не зависят от того, что надето на ребенке. И это тоже заслуга деда — такое спокойное отношение к вещам сослужило мне прекрасную службу в те годы, когда мои сверстники готовы были на большие жертвы ради того, чтобы раздобыть модную одежду.

Французский язык. Это особый период моей жизни — сейчас трудно объяснить, как и почему удивлялись окружающие, зачем девочку учат французскому языку. Но это было решено на семейном совете по настойчивому предложению деда — «девочка должна знать языки, английского в школе очевидно, недостаточно». Я, конечно, училась — дед нашёл мне прекрасную учительницу, но, увы, как сейчас принято говорить, мотивация у меня была слабой. Как ребенок, растущий в СССР, я знала — никогда и никуда я не поеду, из страны так непросто было поехать даже в туристическую поездку. Надо было верить деду, а я его расстраивала — он бегло говорил на французском и его попытки поговорить со мной, как правило, заканчивались ссорой — я не понимала, что он мне говорит, а он сердился на это...

Летние биологические экскурсии — если дед навещал нас в местах, где мы снимали дачу, мы с ним обязательно отправлялись с сачком к водоёму: пруду, речке, и там проходили, наверное, обычные занятия для студента биофака. Волшебным движением дед зачерпывал воду и — вот они, всевозможные беспозвоночные: ручейники, рачки бокоплавы, ещё кто-то... Всех их дед аккуратно вылавливал из сачка и о каждом рассказывал. Все казалось так просто — зачерпнул, поковырял пинцетом, всех нашёл и определил... Когда у меня подрастал сын, я попробовала сделать что-то похожее... так вот — ничего у меня не получилось. А у деда это было легко, красиво и понятно. Но зато, я знаю, какая бурная жизнь кипит в спокойной внешне воде.

Всю мою жизнь, и школьную, и институтскую, дед искренне интересовался моей учебой — и как же приятно и интересно было с ним об этом говорить — такой живой интерес был у него, что я чувствовала всю важность того, что делаю — учусь. Для ребенка это чрезвычайно важно и побуждает учиться с интересом.

Так я и росла — любила деда. Переживала и волновалась за него, когда он, с болями в спине, настаивал на том, что обязательно должен поехать на работу — отговорить не удавалось.

Конец 80-х, 90-е были очень непростыми даже просто для осознания, и исчезновение простых вещей — в том числе продуктов, а потом и финансовая невозможность их купить подавляли и заставляли тревожиться. Павловская реформа, когда многие люди просто потеряли деньги, которые хранили дома в крупных купюрах, паника и почти отчаяние. В этой обстановке дед часто вспоминал годы работы на Крайнем Севере... и тогда становилось понятным, что не материальная сторона жизни, а её моральная составляющая имеют самое важное значение. Это не было открытием, это было естественным продолжением жизни нашей семьи — не изменять себе.

Кстати, рассказы о жизни на Севере, которые я слышала с довольно раннего возраста, сформировали во мне глубокое убеждение, что по-настоящему умный, интеллигентный человек не пасует перед трудностями, в том числе бытовыми. Поэтому я научилась и шить, и вязать, и стричь, и строить дом, и пахать-сажать-убирать-сохранять урожай. Такое простое отношение к жизни позволило мне прожить свою жизнь достаточно спокойно. Сознание того, что только я отвечаю за свои поступки, что лучше всего себе помогу только я, сделало меня независимой в решениях в большей части бытовых вопросов. Так я понимала рассказы деда — в любой момент за свои убеждения можно остаться без работы, без средств к существованию; счастье, если на свободе. Поэтому история нашей страны последних лет не удивляет меня, а только расстраивает.

Очень хорошо помню доклад деда в ЦИНЕ в 1984 году, когда он говорил, что науку погубят люди, живущие по принципу «как бы чего не вышло...», как же он был прав.

Несколько лет назад я была в гостях у подруги моей мамы в Италии, и она нам рассказала, что на первой лекции первого курса в 1961 г. дед пошутил, что в процессе эволюции у человека останется один палец, которым он будет нажимать на кнопки. 1961 год — СССР... Вот такое предвидение! Палец у нас пока не один, но и с точки зрения эволюции полвека — это не срок, а вот нажатие кнопки — это для значительной части людей — уже самое частое движение.

Я благодарна судьбе за то, что была на докладе деда в июне 1993 г., незадолго до его смерти — какой живой ум, логика были в его докладе... А начал он его словами: «Я, наверное, многого уже не успею в жизни сделать, поэтому хочу поделиться своими мыслями и гипотезой, которая родилась в результате множества раздумий...». Я не биолог, но присутствовавшие учёные говорили, что это неожиданный и очень важный доклад, мысли очень свежие и требующие развития. Я слышала это, сидя среди серьёзных людей, не знающих, что я дедова внучка. Увы, наука в России с тех пор взлетов не переживала. Не знаю, как бы дед смог жить в том состоянии науки, в которое она погрузилась.

Я могу вспоминать очень долго. Постаралась написать только о том, что, благодаря деду, формировало меня. Главное, что я могу сказать — дед, знаменитый учёный с мировым именем, в семье был внимательным и любящим, и для нас всех был примером того, что чистая совесть несоизмеримо важнее любых материальных благ.

Прошло ещё несколько лет. В 1976 г. у нас родилась дочка Аня. Как только она вышла из младенческого возраста, научилась ходить, дедушка с бабушкой затребовали

ее по субботам к себе. Так что теперь мы к ним отправляли обоих деток с игрушками и книжками. Пока Аня была в грудном возрасте, «субботы» не прекращались. Просто они переместились в нашу квартиру. Внуки были постоянно в поле зрения папы. Он считал, что внукам, так же, как, впрочем, и мне в детстве, необходимо изучать иностранные языки. Приезжаем как-то из отпуска, заходим к родителям, и папа уверенно говорит, что он решил обучать Машу, кроме английского языка, ещё и французскому. Уже нашёл учителя и договорился с ним. Возражать было невозможно. Все дружно включились в этот процесс. Возили её на занятия, что было не близко, либо я, либо мама.

В конце 1970-х наступили для нашей семьи непростые времена. Наши отношения с мужем разваливались. В 1980 г. он ушёл из семьи. Но жизнь продолжалась. Надо было работать, растить детей, рядом были уже немолодые родители. К тому времени я перешла с кафедры генетики ЛГУ в Институт цитологии РАН во вновь организованный проф. Г.П. Пинаевым Отдел клеточных культур. Моя личная жизнь тоже изменилась. Через 2 года я встретила человека, композитора, педагога, с которым я связала всю свою последующую жизнь, включая сегодняшний день. Родители понемногу успокоились после нашего разрыва с Володей и с радостью приняли нового члена семьи. Маша уже выросла, она общалась с отцом, поэтому мой муж ей был и есть дядя Юра (Юрий Сергеевич Забутов), а Аня вскоре начала называть его папой. У них возникли общие интересы: кино и музыка. Иногда по утрам, когда я ещё спала, они убежали посмотреть какой-нибудь фильм. Проведя музыкальное прослушивание Ани, Юра посоветовал немедленно отдать её в музыкальную школу, что мы и сделали.

В начале 1980-х годов случилась беда с мамой. Дала о себе знать тяжёлая контузия военного времени — мама начала терять память. Ей поставили диагноз — атрофия головного мозга. Болезнь быстро прогрессировала. Она переставала узнавать окружающих. Папе было тяжело с ней справляться, хотя мы часто брали её к себе или заходили к ним. В результате мы решили, что надо съезжаться. После долгих усилий мы нашли удобную квартиру в Автово. Сложность поиска подходящей квартиры была связана с необходимостью размещения в этой квартире огромной папиной научной библиотеки. Помню, как активно помогали нам переезжать сотрудники папиной кафедры и его лаборатории в Институте цитологии РАН. К этому времени семья стала ещё больше. В 1985 году у нас родился сын Серёжа (рис. 3). Маша собралась выходить замуж на однокурсника Мишу Муратова. В результате муж отдал им свою квартиру в Авиагородке. А мы все: родители, Аня, Серёжа, я и Юра поселились в квартире в Автово. Папа был счастлив оказаться в окружении своей большой семьи. Он мечтал о большом овальном обеденном столе, вокруг которого размещалась бы вся семья. Но, к сожалению, время было непростое, и удалось найти большой стол, но не овальный, а четырёхугольный.

Предоставляю слово другой моей дочке — Ане.

Юрий Иванович Полянский, мой дед, в первую очередь, учёный, мыслитель, общественный деятель. Человек необычайно пытливому уму, яркой фантазии, сильной воли и большого тёплого сердца. Мне хотелось бы вспомнить деда совсем не в официальном образе учёного, а в личном семейном аспекте, вспомнить то, что могли видеть и ощущать только мы. А мы — это его мечта — большая семья за большим столом.

Одно их первых моих воспоминаний. Думаю, мне лет пять-шесть. Я частенько по субботам гостила у деда с бабушкой. Простудилась, лежу в кровати. В полутьме заходит дед, кладет свою огромную мягкую ладонь на мой горячий лоб, садится на диван рядом, нащупывает пульс, считает, глядя на секундную стрелку наручных часов...

Рис. 3. Летом на даче. Родители с моим мужем и внуками: старшая внучка Маша, младшая внучка Аня и внук Сережа (на руках у Ани). Сиверская, 1985 (из коллекции Г.Г. Полянской)

Fig. 3. In the summer at the cottage. Parents with my husband and grandchildren: the eldest granddaughter Masha, the youngest granddaughter Anya and grandson Seryozha (in Anya's arms). Siverskaya, 1985 (from the G. Polyanskaya collection)

Тепло и спокойно. Мне становится легче, и я засыпаю под песню, которую он напевает, специально для меня... своим низким и таким немного трескучим тембром.

Утро воскресенья. Просыпаюсь под восхитительный запах омета, и, если задержалась в кровати, то и аромат кофе. Это был потрясающий солнечный утренний ритуал. Дед всегда готовил сам. Эти же воспоминания есть и у Серёжи. Запахи, звуки, ощущения... это и есть память детства.

Рисунки... Дед всегда хранил наши детские рисунки и письма, которые мы присылали ему с летнего отдыха, или те, которые рисовали у него дома. И это был настоящий ритуал — доставать папки с рисунками разных лет, рассматривать, смеяться и восхищаться. И непременно придирчиво изучать даты написания писем, которые дед аккуратно подписывал.

По воскресеньям часто бывали общие семейные обеды, иногда приходили гости. Для меня маленькой это были настоящие праздники. Обычно я немного помогала деду готовить угощение перед приходом гостей. И это было очень интересно. Дед много внимания уделял эстетической стороне вопроса. Мы украшали все салатники с большой фантазией. И ещё, нельзя было заправить салат просто сметаной или майонезом — необходимо сделать какой-нибудь собственный соус... Ни грамма формализма! Ни в чём!

Мне 13 лет. Я с восторгом бегу к деду сообщить, что Мопассан, по моему мнению, великий писатель! Дед внимательно посмотрел и сказал, что у меня очень недурной вкус, но всё же серьёзно оценить писателя я смогу, только прочитав его в оригинале

на французском. Ох уж этот волшебный французский язык! Дед его обожал, как и саму Францию, где читал лекции и бывал неоднократно. Когда у деда возникала возможность говорить на этом языке, глаза его загорались, он преображался. К сожалению, такой способности мыслить и разговаривать на иностранных языках мы не унаследовали, о чём, безусловно, очень и очень сожалею. Однако жизнь не даёт нам расслабиться в этом смысле, и волей случая я теперь разговариваю на португальском, моя старшая сестричка Маша учит иврит, а наш брат Сергей хорошо говорит по-английски. Таким образом, в мир иностранных языков мы все-таки окунулись. Думаю, что дед был бы рад интересным поворотам наших судеб.

Я с детства занималась музыкой, училась играть на виолончели, но также очень любила музицировать на рояле — просто открывать ноты и читать с листа. Дед очень неплохо разбирался в классической музыке. И частенько с раздражением заходил ко мне в комнату и сетовал, что я опять играю Шопена не по тем нотам! Очень его это раздражало. Дед объяснял мне, что нет смысла играть плохо, открыл ноты — учи и не ошибайся. Ответственность и чистоплотность в подходе к делу. Приходилось учить более тщательно, даже если и не было задачи всё это играть на концерте или экзамене. Иногда, когда к нам приходили гости, мы организовывали маленькие домашние концерты. Дед их очень любил и неоднократно вспоминал, что в его юности было обычным делом собираться и читать стихи, петь и музицировать. Второй мамин муж — музыкант, композитор, Юрий Сергеевич Забутов — стал для меня папой — близким, родным человеком. С детства он мне очень помогал на моём пути музыканта и как-то тонко, ненавязчиво влиял на мою жизнь. И вот, во время семейного обеда, мы, по тайному перемигиванию за столом, решали с папой, что сегодня будем играть. Быстренько бежали в другую комнату порепетировать. Папа мне аккомпанировал. Затем приглашали всех в нашу музыкальную гостиную. Для деда было большим счастьем видеть наш музыкальный и человеческий тандем.

В последние годы дед часто работал дома, и к нему приходили коллеги из института или университета. Заглянув в комнату, где они увлечённо что-то обсуждали и работали, я здоровалась, и многие тут же интересовались моими успехами, иногда просили поиграть на виолончели.

Дед с огромным уважением относился к нашим интересам. Гордился внучкой-врачом и внучкой-музыкантом. Серёжку, нашего маленького брата, ещё на тот момент без определённого профессионального занятия, он просто очень любил. Теперь Серёжка стал великолепным педагогом-математиком, что, безусловно, очень бы обрадовало деда, так как и сам он был блестящим лектором и педагогом. Но, пожалуй, гордился нами не слепо, прекрасно понимал все наши трудности, нюансы, знал и про удачу, и про провалы. Всегда подробно выспрашивал, ему было важно понимать суть проблем и запланированные пути их решений.

Дед был человеком высочайшей организации. Говоря об этом, я имею в виду не только его профессиональную деятельность, не только потрясающе собранную работу ума увлеченного учёного, но и организацию его домашней бытовой жизни, что связано, по-видимому, как с воспитанием, так и с тяжёлыми жизненными испытаниями, о которых он подробно написал в своей книге. Хватало времени и на работу, и на семью. Я даже думаю, что нам, внукам, в детском возрасте досталось больше его внимания, чем нашей маме в её детстве. В то время, в 40–50-х гг., будучи еще молодым учёным, дед много ездил, какое-то время работал на Крайнем Севере и бывал дома не очень часто.

У моей мамы и деда разные научные направления. Мама — генетик, дед — прото-зоолог. Однако в основном, по степени увлеченности наукой, по уровню порядочности в отношениях с коллегами, по умению видеть главное и бесконечному стремительному движению только вперед — это не просто родные по крови люди, но, безусловно, два очень близких человека по духу и мировоззрению. Мама в каком-то смысле исполнила дедушкину мечту о большой семье. И мы действительно частенько всей семьей собирались за тем самым большим столом. Рассказывая про деда, нельзя не вспомнить его спутницу, мою бабушку, Лину Семёновну Полянскую. Она всегда была рядом, следила за его состоянием, организовывала отдых, когда чувствовала, что это необходимо. Была мудрым, чутким и очень добрым человеком. Помню характерную маленькую зарисовку. Дед сидит за столом, работает. Бабушка тихо подходит к нему со спины и целует его в макушку. В этом простом жесте была какая-то невероятно трепетная любовь. Это происходило, даже когда бабушка уже болела и мало что понимала и помнила... Но вот такая нежность была на уровне чего-то само собой разумеющегося и важного для них.

Уже много лет нет деда... Но до сих пор у нас есть его комната, которую мы так и называем — дедова комната, есть его кресло и стол, вещи, напоминающие о детстве. Это не культ, не музей, это наше естественное чувство любви, уважения, памяти. Разглядывая дома корешки старых книг, я вспоминаю «Жизнь животных» Брема, с потрясающими цветными почти живыми картинками. Дед сидит за столом, работает. А я, листая огромную книгу, дергаю его каждые пять минут, и он терпеливо рассказывает мне про гигантских медуз, красочных змей. Потом сажает меня на колени, открывает один из томов и ошарашивает меня информацией про трёх человекообразных обезьян. И с этим грузом — орангутан, горилла и шимпанзе — я начинаю проживать ближайшие дни, ставя на уши даже воспитателей в детском саду, которые были обязаны выслушивать мои рассказы о происхождении человека. Завершая рассказ про волшебных для меня обезьян, дед щёлкает меня по носу и говорит обычное: «А теперь, Маргышка, тебе пора спать». Я не биолог. Но до сих пор, бегая с видеокамерой за разными животными и насекомыми по амазонским джунглям, я мысленно обращаюсь к деду с рассказом об этом удивительном месте и как бы пишу письмо, как в детстве с летного отдыха... И очень живо ощущаю его реакцию, его интерес, его любовь ко всем нам.

Хочу отметить, что папина роль в создании и организации всей уже теперь большой семьи огромна. Его внимание ко всем нам, его любовь чувствовалась постоянно. Он регулярно интересовался делами Маши и Миши, которые жили отдельно от нас. Старался ухаживать за мамой, считая это своей обязанностью. Пока Аня не отстранила его и не взяла часть забот на себя. Папа был тронут отношением Юры к маме. Ведь в отличие от всех нас, он не знал маму здоровой. Но, тем не менее, включился в заботы о ней, как все члены семьи. Мама становилась агрессивной. Порой я боялась, что может произойти что-нибудь страшное, прятала ножи. Она уже никого не узнавала. Её было безумно жалко. В результате мы решили её положить в больницу, где работала врачом родственница, чтобы подобрать успокоительные лекарства. Мы навещали её вместе с Машей. Папу уговорили туда не ходить. В больнице случился карантин по гриппу, месяц никого не пускали. И накануне того дня, когда уже можно было навестить маму, нам позвонили и сказали, что она скончалась. После смерти мамы папа начал болеть. Что-то случилось со спиной, были сильные боли. Он старательно лечился, и в результате болезнь отступила. Даже во время болезни он активно работал, общался с сотрудниками. Как только становилось легче, он ехал в институт.

Летом папа ежегодно с 1989 по 1992 г. стал отдыхать в доме ветеранов науки, расположенном в Павловске. А мы с маленьким Серёжей и с Аней снимали дачу в Сиверской. Это не очень далеко от Павловска. Каждое воскресенье папа ждал нас в гости. Обычно, когда мы подходили к пансионату, мы видели его сидящим на скамейке около входа в ожидании нас. Он готовил что-нибудь вкусненькое, всегда немного спиртного и напитки детям. Это были маленькие праздники.

Предоставляю слово сыну Сереже.

Дедушка обычно меня называл «мальчишкой». Мне было 8 лет, когда дедушки не стало... Отсюда воспоминания совсем детские и отчего-то больше гастрономические. Утро воскресенья. Помню удивительно вкусный омлет, начинкой которого в обязательном порядке являлись обжаренные кусочки белого хлеба со взбитыми яйцами с молоком и сыром. Это в сочетании с кофе, разбавленным молоком, а порой мороженым, придавало завтраку удивительную самобытность.

Вкус же этого, на первый взгляд, обыденного блюда, навсегда остался в памяти. Обрывки воспоминаний рисуют две картины: чтение книги о животных перед сном и общение с дедушкой за его рабочим столом, когда «мальчишка» уютно располагался у него на коленях. К сожалению, содержание этих бесед уже неведомо мне. Но, безусловно, они носили крайне важный характер для становления юноши. 26 июня 1993 года мы все потеряли что-то важное, важное для каждого из нас. Ушла эпоха не только в мире науки.

А время всё идёт. Дети растут. Конец 80-х — начало 90-х гг. Аня уже студентка музыкального училища. Серёжа пошёл в школу. А «субботы» по-прежнему существуют. Семья ещё увеличилась: Маша родила сына Димку. У папы появился правнук!

И вот наступила осень 1992 г. В октябре у папы впервые после травматического инфаркта случился сердечный приступ. Помню, как папа лежит под самодельной капельницей и беспокоится, что у него послезавтра диссертационный совет, председателем которого он был. Молодая бригада скорой помощи совершенно обалдела, и один из медиков говорит: «Дедуля, Вам надо думать, как встать на ноги, как выжить, а Вы об учёном совете волнуетесь!». Бригада попалась замечательная, папу привели в чувство и повезли в больницу. Сначала он был в районной больнице, его подлечили и перевели в больницу РАН. А там образовалась ещё одна болезнь. Пришлось делать полостную операцию под общим наркозом. Папа и это выдержал. После операции был молодцом. Его, помимо семьи, навещали сотрудники, так что он был в курсе всех рабочих дел. Выписывали его в декабре, незадолго до Нового года. Папа поинтересовался у лечащего врача, можно ли ему полноценно встретить Новый год, то есть с шампанским и, конечно, с водочкой. Врач ответил: «Юрий Иванович! Вам можно всё, никаких диет. В отношении водочки: оstackаниться можно, но не ополитриться». Так что Новый год мы активно встречали в семейном кругу.

Всё было хорошо. Папа совсем поправился. Ездил в институт, много работал дома. В марте ему исполнилось 89 лет. Сотрудники лаборатории предложили устроить его день рождения у нас дома. Собралось много народу. Была очень тёплая, дружеская обстановка. В конце апреля папа лёг ещё на одну операцию косметического характера, но, тем не менее, с использованием наркоза. Все прошло благополучно, он снова был дома, работал, много общался с нами. Он начал углублённо изучать вопросы молекулярной биологии и 11 июня в Санкт-Петербургском Научном центре сделал интересный серьёзный доклад. После этого его лечащий врач усиленно рекомендовала

ему поехать в Павловск — отдохнуть, погулять, подышать свежим воздухом. Всё же он в свои в 88–89 лет перенёс две операции. Но тут вмешалось другое обстоятельство, из-за которого он не смог поехать отдохнуть.

Обстоятельством этим была кандидатская диссертация, из-за которой начался скандал между сотрудниками, имеющими отношение к материалу работы¹. Папа считал, что диссертация хорошая, достойная и готова, чтобы её представить к защите. А для того чтобы защита прошла успешно, он стал руководителем этой диссертации. Поэтому он и не мог уехать отдохнуть. Я не помню деталей всего происходившего. Но твёрдо знаю, что основным оппонентом был старый папин ученик, которого ещё юным мальчиком папа взял к себе на кафедру, считая очень способным, и продвигал его всю жизнь. Этот мальчик защитил докторскую диссертацию, был одно время заведующим кафедрой зоологии беспозвоночных, которую папа передал ему, решив, что он уже постарел и надо дать дорогу молодым. Пару раз мы встречались на банкетах, в частности на банкете по поводу папиного 80-летия. Этот человек объяснял лично мне, как он любит Юрий Ивановича! Дальше я помню практически по дням всё, что произошло. Во вторник вечером раздался звонок по телефону. Звонил тот самый любимый папин ученик. Естественно, я не слышала содержания разговора, но видела папину реакцию. На нём не было лица, он ходил по комнатам и потирал руки, что-то бормоча. Было понятно, что папу очень обидели, по-видимому, оскорбили. И сделал это человек, которого папа всю жизнь поддерживал, продвигал, считал порядочным и надёжным. А ведь этот человек прекрасно знал, что папа недавно вернулся из больницы после 2-й за год операции, что папе идёт девяностый год. Где же его любовь, о которой он мне говорил?

А дальше происходило следующее. Папа не спал ночь, у него горел свет. Я подходила к комнате, видела, что он что-то читает, и не мешала ему; иногда слышала, что он ходит по квартире. А вот следующим вечером ему стало плохо, он не мог лежать, задыхался. Он ходил или сидел. Мы очень испугались, вызвали неотложку, но нам сказали, чтобы скоро мы её не ждали, так как много вызовов. И вот мы с папой просидели почти всю ночь. Он вспоминал многие события своей жизни, но, я, к сожалению, сейчас почти ничего не помню, так как находилась в стрессовом состоянии, очень за него боялась. Неотложка приехала под утро. Они сделали какие-то уколы, сказали, что утром надо вызвать врача, и укатили. Папе стало лучше, и он заснул. Утром я вызвала его лечащего врача, которая очень удивилась его состоянию, так как несколько дней назад она навещала его и нашла, что со здоровьем у него все в порядке. Она предложила его положить в больницу для детального обследования. Вызвали скорую помощь, и папа с Юрой поехали в больницу РАН. Папа чувствовал себя неплохо, был в хорошем настроении, муж рассказывал, что он всю дорогу веселил врача. Я не поехала с ними, так как надо было вести сына к врачу. Тогда мне в голову не пришло, что вижу папу в последний раз. Его положили в реанимацию, куда никого не пускают. Утром сказали, что будут переводить в палату, но не перевели. На следующий день я поехала в больницу, поговорила с врачом и поняла, что все серьёзно, им не справиться с его состоянием. Попросила пустить меня к нему, но оказалось, что папа задремал. Договорились, что я подъеду утром, но в 8 утра позвонили и сообщили, что папы больше нет: диагноз — тромбоз мелких сосудов.

¹ Подробнее об обстоятельствах и причинах этого конфликта см. статью С.И. Фокина в этом номере (*ред.*)

Я позвонила Александру Львовичу Юдину, одному из его ближайших сотрудников, его заместителю по диссертационному совету. Неожиданно для меня он довольно быстро приехал к нам с очень старинным папиным учеником Львом Николаевичем Серавиным и с тогда ещё молодым его сотрудником Сергеем Орестовичем Скарлато. Весь разговор помню в тумане, отрывочно. Ну а дальше обычная процедура похорон. Я очень благодарна Институту за помощь в организации похорон. Очень благодарна С.О. Скарлато, который вместе со мной ездил в разные места, чтобы всё оформить, на машине, которую вёл тот самый молодой диссертант. Вот так всё произошло с папой. Я думаю, не случись описанной здесь истории с диссертацией, папа благополучно поехал бы в Павловск и, наверное, ещё пожил бы.

Предоставляю слово моему мужу Юрию Сергеевичу.

Одна из самых значительных и ярких встреч в моей жизни — это знакомство с Юрием Ивановичем, моим будущим тестем. Я познакомился с ним в 1983 г., а с 1986 г. и до его ухода из жизни в 1993 г. мы жили в одной квартире. Юрий Иванович был образованнейшим и культурнейшим человеком. Вспоминаю такой эпизод. У нас гостил немецкий кинорежиссер В. Вальрот. Юрий Иванович неплохо знал немецкий язык. Но любимым его иностранным языком был французский. Он знал его в совершенстве. Оказалось, что и наш друг знает и любит французский язык. В результате у них завязалась длительная увлекательная беседа, и не одна. Они с Юрием Ивановичем часами беседовали на кухне, в основном на французском языке. Два талантливых человека разных профессий, но с очень широкими взглядами на жизнь и с великолепным чувством юмора. Это было завораживающее зрелище. Из уст Юрия Ивановича, я, человек далекий от биологии, узнал немало интересного об известных отечественных учёных, таких как Догель, Райков, Тимофеев-Ресовский и др. Читая книгу Д. Гранина «Зубр», я думал о Юрии Ивановиче — та же безграничная преданность науке, честность, бескомпромиссность. Никогда не забуду его взгляд, когда он сидел в своем любимом кресле за столом, о чем-то думая, — взгляд человека, прожившего большую, яркую, нелегкую жизнь. Он обладал огромным тактом в общении с людьми, включая и его родных. От него шла мощнейшая энергетика. Он располагал к себе без сюсюканья и панибратства любого человека: продавца, врача, шофера и т.д. Юрий Иванович сплотил вокруг себя всю семью. Внуки его обожали. С удовольствием вспоминаю наши «субботы». Вечера проходили в разговорах, дискуссиях, шутках. Заканчивались они частенько моим музицированием, которое нравилось Юрию Ивановичу. Он любил и знал музыку и сам неплохо играл на рояле. Его уход для нас всех — невосполнимая утрата.

Жизнь продолжается, теперь уже без папы. Когда не стало папы, А.Л. Юдин мне сказал, что теперь я повзрослею. Я сначала не очень поняла его слова. Я ведь была уже взрослым, сложившимся человеком. Но через некоторое время я действительно почувствовала, несмотря на окружавшую меня большую любящую семью, что я осиротела, потеряла опору, которую при жизни папы вроде бы и не замечала.

Дети выросли, растут внуки, правнук Володя — сын внука Димы, то есть для папы он праправнук. Но папа и мама остались в памяти, они всегда с нами. Папина мечта, чтобы была большая семья, которая всегда будет собираться за большим столом, сбылась. Многие годы и с папой, и после его ухода, мы собирались за столом, который купили при папе. Отмечали разные семейные даты. У нас появилось ещё одно место для общих встреч летом. В 1994 г. мы купили дом в Окуловке недалеко от деревни Боровенка, где летом живут Маша с семьей, недавно там поселился Серёжа с семьей —

двумя детьми и замечательной женой Юлей. Также в Боровенке живёт семья Володи, сам он умер в 2012 г. Мы давным-давно уже забыли обиды. Все общаемся. Володин сын Андрей и наши дети дружат. Самый большой сбор бывал на мой день рождения 2 августа. Собирались на веранде деревенского дома тоже за большим столом. Правда, в последнее время ситуация изменилась. Дочки с семьями разъехались в разные страны. Остался Серёжа с семьей. Собираемся теперь в меньшем составе. Тем не менее все продолжаем активно общаться через скайп и другие программы. Если что-то у кого-то случается и нужна помощь или совет, тут же все подключаются. А начало создания большой семьи положили папа с мамой. Я ведь их единственная дочка, а получилась большая дружная семья. Папа всегда интересовался делами всех своих родных. Думаю, что родители были бы довольны нашими успехами: дочь — доктор биологических наук; внучка Маша — кандидат медицинских наук; внучка Аня — виолончелистка, лауреат международного конкурса, концертмейстер, солистка оркестра; внук Серёжа — кандидат экономических наук, преподаёт математику; правнук Дима — инженер. Наши мужья и жены тоже достигли высоких профессиональных успехов (рис. 4).

Рис. 4. Вся наша семья уже без папы. Слева направо: внучка Маша, правнук Дима, мой муж Юра, Анин муж Слава, внучка Аня, жена Серёжи Юля с дочкой Полиной (правнучкой папы), внук Серёжа, я, муж Маши Миша. Окуловка, 2013. На этом фото не хватает ещё трёх членов семьи, появившихся позже: сын Сережи и Юли — Владик (правнук папы); жена Димы — Тоня; сын Димы и Тони — Володя (праправнук папы) (из коллекции Г.Г. Полянской)

Fig. 4. Our whole family is already without a dad. From left to right: granddaughter Masha, great-grandson Dima, my husband Jura, Anin husband Slava, granddaughter Anya, wife of Seryozha — Julia with her daughter Polina (great-granddaughter of dad), grandson Seryozha, I myself, husband of Masha — Misha. Okulovka, 2013. In this figure, 3 more family members who appeared later are missing: the son of Seryozha and Yulia — Vladik (papa's great-grandson); Dima's wife — Tonya; the son of Dima and Tonya is Volodya (papa's great-great-grandson) (from the G. Polyanskaya collection)

Yury Ivanovich Poljansky in his family

GALINA G. POLJANSKAYA

Institute of cytology Russian Academy of Sciences, Sankt-Petersburg, Russia; poljansk@incras.ru

Memories of Galina G. Poljanskaya, the author of this article, the daughter of Yu. I. Poljansky, devoted to the private life of this well-known native biologist, the leader of the national protozoology of the second half of the 20th century, professor of Leningrad State University, corresponding member of the USSR Academy of Sciences. They also include brief notes on the hero of the article of his grandchildren and son-in-law. Such memories of private life are first published in the literature devoted to Prof. Poljansky and, in this respect, significantly complement his own book of memories, "Years Alive". The circumstances of the death of Yu.I. Poljansky in the 90th year of life were first mentioned.

Keywords: Yu.I. Poljansky, L.S. Poljanskaya family, daughter Galina, son-in-law Yu.S. Zabutov, grandchildren Masha, Anya and Serezha.